

«Конголитэ»: разделительные линии в политической жизни современной ДРК

Никольская Майя Викторовна, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию политической идентичности в Демократической Республике Конго. Автор уделяет особое внимание современной интерпретации понятия «конголитэ» – конголезской идентичности, во многом тождественной идее национального гражданства. Сам концепт «конголитэ» рассматривается в статье как набор правовых норм, как инструмент электоральной борьбы и как символический конструкт. Новое звучание этот концепт приобрел в контексте законопроекта, выдвинутого в 2021 г., а его возвращение во внутреннюю политику является показательным с точки зрения понимания настроений в конголезском обществе. Автор также задается целью выявить основные направления дискуссии об идентичности и приходит к выводу, что одной из ее констант является проблема политико-правового статуса руандафонного меньшинства (баньяруанда / баньямуленге), а другой – регионально-языковая фрагментация, которую усиливает экономико-демографическая специфика. Оба этих фактора в значительной степени влияют на внутренние паттерны голосования. Дискурс «чистоты» автохтонного происхождения оценивается как усугубляющий эту фрагментацию и конфликтогенность в отношениях Конго с государствами региона, в частности с Руандой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, конголитэ, Демократическая Республика Конго, гражданство, баньямуленге, языковой фактор в политике, выборы

Введение

Историческая судьба Демократической Республики Конго (ДРК) на протяжении всего XX столетия складывалась трагично: череда кризисов с первых лет деколонизации; болезненное отделение от бывшей метрополии – Бельгии; две конголезские войны на рубеже веков; шаткий баланс сил внутри страны в 2000–2020 годах. Все эти события побудили политическую науку отнести Конго к так называемым *failed state*, а затем – к *fragile state*. К статусу *failed state* – несостоятельного государства – ДРК относят К. Кодденброк¹, Т. Трефон², Р. Ротберг³, отмечая низкую способность государства эффективно контролировать свою территорию и происходящие на ней процессы, а также адекватно реагировать на экономические и политические вызовы развитию. Понятие «хрупкого / слабого государства» (*fragile state*) используется в терминологии международных институтов, таких как ОЭСР, Всемирный банк и МВФ, и составляет основу *Fragile States Index*. Применительно к ДРК его можно встретить в работах К. Кайзера и С. Уолтерс⁴, С. Тареке⁵, С. Каплана⁶, Л. Синье⁷, Д. Кармента⁸. При всей неоднозначности этих понятий (С. Гримм⁹) и соответствующих международных рейтингов, сложно отрицать низкий уровень государственной состоятельности ДРК, понимаемой как способность обеспечить пять базовых функций современного государства: внешнюю безопасность, внутренний порядок, легитимность, управление и развитие¹⁰.

Однако на фоне относительной стабильности последних двух десятилетий национально-государственное строительство в Конго обретает более реальные перспективы. В постконфликтном обществе, яркий пример которого представляет ДРК, государственное строительство тесно связано с миростроительством: обеспечение безопасной среды для развития зависит от наличия действенных и легитимных государственных институтов¹¹. Одновременно этот процесс подразумевает поиск ориентиров и основ, которые способствовали бы формированию единой конголезской идентичности. Но как ее понимают сами конголезцы? Для ответа на этот вопрос в статье исследуется понятие «конголитэ» – «конголезскости», которое становится частью мейнстримного дискурса в связи с внесением в 2021 г. в конголезский парламент одноименного законопроекта. Полемика вокруг него может служить индикатором того, в какой степени политическое пространство ДРК определяют региональные, языковые и этнические составляющие. Автор предполагает, что они по-прежнему сохраняют актуальность, представляя угрозу целостности конголезского общества и препятствуя формированию национально-государственной идентичности.

Отдельного внимания заслуживает судьба руандафонов, т.е. носителей языка киньяруанда. Они представляют собой крупнейшее этноязыковое меньшинство,

1 Koddenbrock 2013.

2 Trefon et al. 2002.

3 Rotberg 2003.

4 Kaiser et al. 2012.

5 Tareke 2021.

6 Kaplan 2009.

7 Signé 2019.

8 Carment et al. 2013.

9 Grimm et al. 2014.

10 Мельвиль et al. 2012.

11 Sweet 2021.

сосредоточенное на востоке страны, преимущественно в провинциях Северное и Южное Киву. Траектория исторического развития страны подсказывает, что правовые нормы законопроекта о конголитэ усугубляют положение руандафонного меньшинства, отражая и усиливая настроения других социально-политических групп в Конго.

Обзор литературы

В литературе – как международной, так и отечественной – в подавляющем большинстве распространены алармистские сценарии будущего Конго. Очевидно, что ДРК представляет собой, по классическому определению А. Лейпхарта, фрагментированное общество, разделенное сегментарными различиями религиозной, этнической, языковой и культурной природы, которые совпадают полностью или частично с линиями политического противостояния. Политика идентичности в ДРК напрямую влияет на внутреннюю стабильность страны и несет в себе конфликтный потенциал. Так, В. Шишков полагает, что нынешняя траектория развития стран района Великих африканских озер (РВО) «может приобрести направленность на воспроизведение черт имперской государственности [...] и, наконец, шовинистической идеологии», предполагая, что подобный сценарий может быть реализован в том числе на территории Конго и соседних государств¹. Риск т.н. балканизации Конго как распада государства вследствие сверхинтенсивного политического насилия² озвучивается в большинстве работ³. Знаковыми в этой области являются современные обзорные исследования за авторством Т. Денисовой, С. Костелянца⁴ и Г. Сидоровой⁵, где идентичностные конфликты рассматриваются в контексте интересов соседних государств, в первую очередь связанных с «фактором Руанды», а также в рамках экономических и инфраструктурных проблем.

Отдельные исследования затрагивают идею «конголитэ» («конголезскости») как гражданства на идентичностной основе, изначальной принадлежности к «автохтонному» населению Конго. Здесь выделяются две основные интерпретации. Первую можно считать более конвенциональной для политической науки: она предлагает рассматривать «конголитэ» как примордиалистскую характеристику самого современного конголезского общества. Так, в представлении П. Мулатрис, речь идет о глубоких процессах, затрагивающих саму суть конголезской идентичности, которая берет свое происхождение в истории ДРК⁶. Историческую подоплеку сложившейся ситуации наблюдает и Дж. Мусинде, многие работы которого посвящены особенностям языкового фактора в конголезской политике⁷.

С этой группой исследователей не согласен, например, П. Мабиала Матуба-Нгома⁸, который сводит концепт «конголитэ» преимущественно к инструментарию

1 Шишков 2015.

2 Миняжетдинов 2015.

3 Huening 2013; Ндайисаба 2019.

4 Денисова et al. 2023.

5 Сидорова 2014; 2017.

6 Mulatris 2009.

7 Musinde 2012.

8 "Les elections dans l'histoire politique de la Republique Democratique du Congo (1957–2011) (Elections in the political history of the Democratic Republic of Congo (1957–2011)," Adenauer Stiftung, accessed January 10, 2024, https://www.kas.de/documents/275840/5293160/KAS_Les+%C3%A9lections+dans+l%27histoire+politique+de+la+RDC+1957-2011.pdf/1090662fac51-4d1c-ebc3-81f6af3be17a?t=1568495025033.

электоральной политики. Те же выводы можно сделать из работы американского исследователя Дж. Кастилло на основе социолингвистического подхода к изучению политической истории Конго¹, которая стала первым подробным историческим экскурсом в языковую политику Конго при диктаторском режиме Мобуту (у власти в 1965–1997). Н. Ламини отмечает значение идеологии для современных африканских обществ, уподобляя ее мифологии: и то и другое является генератором социальных установок², что позволяет судить о конструируемом характере конголезской идентичности.

Методология

Автор исходит из тезиса, в соответствии с которым конголезские электоральные процессы развиваются под воздействием регионально-языковой и этнической самоидентификации граждан и во многом основываются как на рациональном выборе, так и на субъективных предпочтениях, связанных с харизмой конкретных персоналий. Автор предполагает, что картографирование результатов голосования на выборах президента с 2006 г. (первые послевоенные выборы) по 2023 г. позволяет сопоставить их с языковой географией ДРК и выявить территориальные особенности. Для этих целей в работе используется база данных *African Elections Database*³, *Electoral Geography*⁴ и официальные релизы Конголезского избирательного комитета⁵.

Реакции общественности на законопроект о «конголитэ» изучались автором на основе новостных публикаций и интервью, представленных онлайн: преимущественно конголезская, французская, бельгийская пресса (*Radio Okapi*, *Forum des As*, *RTBF*, *Le Monde*). Отдельно стоит отметить растущее количество академических публикаций конголезских авторов, как, например, С. Нгуйя-Ндила Маленгана, чьи работы способствовали анализу основных направлений публичной полемики.

Вопросы идентичности в Конго – предмет не только академической науки, но и прикладного экспертного знания. Доклады о ситуации в ДРК регулярно публикуют как международные организации (специализированные органы ООН, ОЭСР), так и ведущие аналитические центры (*Refworld*, *ReliefWeb*, *Africa Center for Research Studies*, *ACCORD*), которые наряду со статистикой Конголезского избирательного комитета служат материалом для анализа и оценки результатов выборов.

Для характеристики политико-правового положения руандафонного меньшинства был проведен контент-анализ конголезского законодательства о гражданстве на основе релевантных выдержек начиная с колониального периода. Последние агрегированы в сводном анализе европейской исследовательской организации *Global Citizenship Observatory (GLOBALCIT)*, которая с 2008 г. изучает национальное правовое регулирование вопросов гражданства и выборов в разных странах.

1 Castillo 2023.

2 Lamini 1986.

3 “Congo-Kinshasa Detailed Election Results,” African Elections Database, February 8, 2012, accessed January 10, 2024, https://africanelections.tripod.com/cd_detail.html.

4 “Electoral Geography,” *Electoralgeography.com*, accessed March 3, 2024, <https://www.electoralgeography.com/new/en/>.

5 “Commission Electorale Nationale Indépendante (Independent National Electoral Commission),” CENI, accessed March 3, 2024, <https://www.ceni.cd/>.

Правовой и политический аспекты концепта «конголитэ»

Концепт «конголитэ», введенный в политический оборот в середине 2000-х гг., снова стал актуальным в середине электорального цикла в 2021 г. Это было связано с внесением на рассмотрение в конголезскую Национальную ассамблею соответствующего законопроекта депутатом Н. Пулулу. Автор инициативы, независимый депутат Н. Чиани, баллотировавшийся в президенты в 2018 г., мотивировал его появление необходимостью «защитить национальный суверенитет» от «многочисленных случаев [вражеского] внедрения в руководство государства»¹. Текст закона предписывает руководствоваться *jus sanguinis*² как базовым квалификационным требованием для определения права занимать президентское кресло и другие руководящие должности: администратора национального разведывательного управления, главы генерального директората по миграции, премьер-министра, председателя Сената, председателя Национальной Ассамблеи, ряда министерских позиций³. Иными словами, претендовать на высшие посты в государстве может лишь гражданин ДРК, у которого оба родителя были конголезцами. Статья 72 конституции 2006 г. сохраняет право баллотироваться в президенты лишь за теми, кто «относится к этническим группам, чьи представители и территория входили в состав Конго (ныне – ДРК) к моменту обретения независимости»⁴.

Сам законопроект, равно как и идея «конголитэ» как критерия того, кто считается «настоящим» гражданином своей страны, вводит в правовое поле дискриминацию значительной части населения с иностранными корнями – в основном выходцев из Руанды и Бурунди (в Конго, по оценкам международных организаций, на разных правовых основаниях проживает около полумиллиона беженцев⁵). Одно из главных потенциальных последствий – автоматический запрет на выдвижение на высокие государственные посты представителей иммигрантов. С 2002 г. в Конго действует конституционный запрет на двойное гражданство, однако в реальности многие из приезжих по-прежнему сохраняют паспорт своей родины. Это несоответствие и раньше становилось предметом политических дискуссий. При этом вплоть до 2023 г., когда государство в преддверии выборов инициировало всеобщий сбор биометрических данных, у большинства граждан 100-миллионной страны не было документов, подтверждающих личность: ни водительских прав, ни паспортов. Старая конголезская ID-карточка, которую выдавали в 1974 г., с падением режима Мобуту в 1997 г. стала считаться

1 Coumba Kane, "RDC: «La proposition de loi sur la congolité va diviser les Congolais» (The Proposed Law on Congolité Will Divide the Congolese)," *Le Monde*, July 19, 2021, accessed March 3, 2024, https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/07/19/rdc-la-proposition-de-loi-sur-la-congolite-va-diviser-les-congolais_6088773_3212.html

2 Право крови (лат.).

3 Coumba Kane, "L'Avenir: «Congolité: préserver le vivre-ensemble» ('Congolité': Preserving Living Together)," *Radio Okapi*, July 9, 2021, accessed March 3, 2024, <https://www.radiookapi.net/2021/07/09/actualite/revue-de-presse/lavenir-congolite-preserver-le-vivre-ensemble>.

4 "Constitution de la République Démocratique du Congo (Constitution of the Democratic Republic of Congo)," Cabinet du Président de la République (President DRC), February 18, 2006, accessed March 3, 2024, wipo.int/edocs/lexdocs/laws/fr/cd/cd001fr.pdf.

5 "Democratic Republic of the Congo: Monthly Statistics of Refugees and Asylum Seekers (as of 28 February 2023)," *ReliefWeb*, accessed March 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/democratic-republic-congo-monthly-statistics-refugees-and-asylum-seekers-28-february-2023>.

недействительной¹. Свое избирательное право конголезцы обычно подтверждали с помощью удостоверения избирателя².

Изначально законопроект о «конголитэ» многие сочли ситуативным маневром, направленным против лидеров оппозиции: «Конголитэ – это не спонтанно зародившаяся идеология, а (побочный) продукт борьбы за политическую власть»³. Так, в случае его успешного одобрения гонку покинул бы сын греческого еврея и замбийки М. Катумби, глава крупнейшей оппозиционной коалиции *Ensemble*, до 2016 г. союзник бывшего президента Ж. Кабилы, а позже, вплоть до 2021 г., поддерживавший нынешнего лидера Ф. Чисекеди. М. Катумби заработал немало репутационных очков как удачливый бизнесмен и как губернатор богатой провинции Катанга в 2007–2015 гг., через которую проходит африканский медный пояс. На его счету – реализация важных социальных и экономических проектов, включая развитие транспорта, образования, горнодобывающего дела, укрепление продовольственной безопасности региона, повышение его инвестиционной привлекательности. Доходы в бюджет Катанги с 2007 по 2013 г. выросли почти шестикратно⁴. Хотя отсутствие у М. Катумби команды продвижения и широкой базы во всех регионах страны с самого начала ставило под вопрос его шансы на успех, было очевидно, что его имидж крепкого управленца в сочетании с личной харизмой мог бы сильно поляризовать конголезский электорат. В пользу этого соображения говорит и реакция властей: если в 2021 г. пресс-секретарь правительства и министр коммуникации и печати П. Муяйя агитировал граждан воздерживаться от употребления «опасного» термина «конголитэ»⁵, то в разгар избирательной кампании 2023 г. он уже назвал обсуждение законопроекта «демократическим волеизъявлением народа»⁶.

Влияние на граждан концепта «конголитэ» и соревнований за «аутентичность» среди кандидатов особенно заметно на пиках электоральных циклов. Например, в 2006 г. министр обороны Ж.-П. Бемба выстроил избирательную кампанию со ставкой на свою «конголитэ» в противовес Ж. Кабиле, которого позиционировал как «иностранца» руандийского происхождения⁷. Как показывает исторический прецедент в Кот-д'Ивуаре, где, как и в конголезском случае, все началось с применения государственных законов для борьбы с политическими противниками, форсирование искусственно созданной идентичности чревато ксенофобией. Состязание между А. Бедье и А. Уаттара в правящей Демократической партии Кот-д'Ивуара после смерти ее основателя Ф. Уфуэ-Буаьи закончилось победой А. Бедье, инициировавшего

1 “Democratic Republic of Congo: The Elector’s Card, Including the Date when It Came into Force and its Appearance, Security Features and Functions,” RefWorld, June 21, 2013, accessed January 3, 2024, <https://www.refworld.org/docid/53424ddb4.html>.

2 William McCurdy, “National ID Cards Launched in DRC, Remain Uncollected in Ghana,” Biometric Update.com, July 7, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.biometricupdate.com/202307/national-id-cards-launched-in-drc-remain-uncollected-in-ghana>.

3 “Congolité et ivoirité (Congolité et ivoirité),” La Libre, October 18, 2010, accessed January 3, 2024, <https://www.lalibre.be/debats/opinions/2006/10/19/congolite-et-ivoirite-C5XV3ABCCFGUBG77VHVWPKNGI/>.

4 “The DRC’s Katanga Province Return of the Copper King,” African Business, January 18, 2014, accessed January 3, 2024, <https://african.business/2014/01/economy/the-drc-s-katanga-province-return-of-the-copper-king>.

5 “Congolité : «une polémique de bas étage», selon Patrick Muyaya (Congolité: ‘a Low-level Debate’, According to Patrick Muyaya),” Forum des As, July 13, 2021, accessed January 3, 2024, <https://www.forumdesas.net/2021/07/congolite-une-polemique-de-bas-etage-selon-patrick-muyaya/>.

6 “Loi sur la Congolité: «Une expression démocratique», insiste Patrick Muyaya (Law on the Congolité: ‘A Democratic Expression’, Insists Patrick Muyaya),” YouTube, accessed January 3, 2024, <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=yLfa7dZrriU>.

7 “Conflicts in the Democratic Republic of Congo: Causes, Impact and Implications for the Great Lakes Region,” United Nations Economic Commission for Africa, September 2015, accessed January 3, 2024, <https://repository.uneca.org/bitstream/handle/10855/22687/b11546694.pdf>.

принятие закона о кандидатах в президенты. Документ ограничивал круг возможных претендентов требованием, чтобы оба родителя родились на территории Кот-д'Ивуара. Это привело к отстранению от участия в выборах А. Уаттара, представителя интересов мусульманского севера, включая приезжих рабочих из Мали и Буркина-Фасо, которые занимались выращиванием кофе и какао-бобов – основного экспортного товара страны. В результате переворота А. Бедье был отстранен от власти. Однако пришедший на смену Л. Гбагбо поддержал разработку идеологии «ивуаритэ» в качестве основы национального государства, которая потребовалась ему для консолидации электората в условиях экономического спада. Созданный конструкт усилил враждебное отношение к инородцам, особенно малийцам-мусульманам с севера, иностранцам из других африканских государств, которая вылилась в 2002–2011 гг. в кровопролитный гражданский конфликт. Его последствия в ивуарийском обществе сохраняются по сей день, лишний раз подтверждая закономерность развития африканской государственности: любые попытки конструирования национально-гражданской идентичности за счет отторжения органической части общества заканчиваются продолжительным конфликтом.

Показательна в этом контексте незамедлительная реакция конголезской общественности, которая включала широкий спектр политических сил, верно оценивших возможный ущерб такого решения для национального единства. Против апологии «чистоты» идентичности во имя сохранения политической власти выступили и католическая церковь в лице архиепископа Киншасы¹, и такие крупные НПО, как Ассоциация доступа к правосудию (АСАД) и Ассоциация метисов Конго (Асмеко), не без основания посчитавшая главной мишенью такого закона своих членов. Средствами борьбы стали посты в социальных сетях, демонстрации протеста и даже официальные письма и меморандумы в адрес властей². Малолегитимным внутри страны, но эффективным для международной репутации было осуждение этого документа со стороны ООН³. В качестве средства политической борьбы манипуляция «конголитэ» оказалась неудачной: Конституционный суд Конго 30 октября провозгласил законной кандидатуру М. Катумби⁴. Под давлением общественности законопроект был отклонен, но повторно внесен весной 2023 г., тем самым показав, что идея «чистоты» конголезской нации по-прежнему импонирует определенной части влиятельных сил в ДРК.

Чужие среди своих: судьба руандафонов в Конго

Любая дискуссия об идентичности в Конго затрагивает положение и роль руандафонов, или баньяруанда («руандийцев»), которые в конголезской истории стали перманентной мишенью для дискурса ненависти, несмотря на

1 "RDC: appels à l'abandon du projet de loi Tshiani sur la 'congolité' (DRC: Calls to Abandon Tshiani's Draft Law on 'congolité')," Africa News, April 4, 2023, accessed January 3, 2024, <https://fr.africanews.com/2023/04/04/rdc-appels-a-labandon-du-projet-de-loi-tshiani-sur-la-congolite/>.

2 "En RDC, un projet de loi sur la 'congolité' suscite la controverse (In the DRC, a Draft Law on 'Congolity' Sparks Controversy)," RTBF, April 3, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.rtbf.be/article/en-rdc-un-projet-de-loi-sur-la-congolite-suscite-la-controverse-11177799>.

3 "Congo Bill to Limit Presidential Eligibility Prompts Backlash," Reuters, July 9, 2021, <https://www.reuters.com/world/africa/congo-bill-limit-presidential-eligibility-prompts-backlash-2021-07-09/>.

4 "DRC Top Court Confirms Opposition Leader's Congolese Nationality," AfricaNews, accessed January 3, 2024, <https://www.africa-news.com/2023/10/30/drc-top-court-confirms-opposition-leaders-congolese-nationality/>.

конституционный запрет на дискриминацию по признаку расовой, этнической, культурной или языковой принадлежности.

Термин «баньяруанда» допускает разные интерпретации. В академической науке доминируют две. Первая заключается в том, что этим этническим неологизмом в районе Великих африканских озер принято обозначать всех руандийцев по происхождению, поддерживающих родственные, культурные, языковые связи со своей исторической родиной. Из всех баньяруанда в Конго отдельно выделяется категория баньямуленге, дословно «пришедшие с гор», которые иммигрировали на территорию нынешней ДРК до Первой мировой войны, по этническому происхождению преимущественно тутси. Большинство из них бежали от репрессий со стороны руандийского королевского двора в XVIII–XIX вв. и поселились на холмах Муленге в Южном Киву и в районе города Мазизи в Северном Киву¹. Другая версия разграничивает тутси Северного Киву – баньямуленге – и Южного – баньяруанда. Она встречается, например, в работах Ф. Ндахинды и А. Мугабе². Зачастую эти два термина используются как взаимозаменяемые. Поскольку перепись населения в ДРК в последний раз проводилась в 1984 г., точно оценить размер этой диаспоры сложно, но, по разным оценкам, она насчитывает около 400 тыс. человек.

Таблица 1.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОНГОЛЕЗСКИХ БАНЬЯРУАНДА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
THE CIVIL AND LEGAL SITUATION OF THE CONGOLESE BANYARWANDA
IN THE LATE 19th – EARLY 21st CENTURIES

Год	Событие правового значения	Основные положения	Как изменилось положение баньяруанда
1892	Указ короля Леопольда II о гражданстве в Свободном государстве Конго	Конголезское гражданство может быть приобретено по рождению от конголезских родителей в режиме натурализации (с облегченной процедурой для жителей соседних территорий, которые считались конголезцами после 5-летнего периода проживания в Конго), по презумпции закона и по свободному выбору	С целью увеличения населения Свободного государства Конго гражданство было привязано к <i>jus soli</i> – «праву почвы». Баньяруанда получают возможность стать гражданами Конго
1908	Колониальная хартия – основной закон Конго	В 1908 г. Свободное государство Конго перешло под контроль бельгийского государства как колониальная территория. Конголезское гражданство отменено, конголезцы формально становятся бельгийскими подданными	Это положение распространяется и на баньяруанда. Однако де-факто объем их прав отличается в меньшую сторону от тех, что были у бельгийцев по происхождению на территории Конго
1910	Договор об угандийско-конголезской границе между Бельгией и Великобританией, договор о колониальной границе между Великобританией и Германией	Границы новой бельгийской колонии делимитированы заново. Ряд территорий Конго оказался в Руанде под управлением Германии, другая часть – в Уганде под управлением Великобритании	Часть баньяруанда оказалась вновь на территории соседних государств

1 "GREAT LAKES – Complex Emergency Situation Report #12," ReliefWeb, December 12, 1996, accessed January 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/great-lakes-complex-emergency-situation-report-12>.
2 Ndahinda et al. 2024.

Год	Событие правового значения	Основные положения	Как изменилось положение баньяруанда
1922	Мандат Лиги Наций на управление Руандой–Урунди	По мандату Лиги Наций немецкие колонии Руанда–Урунди переданы Бельгии, а после Второй мировой войны перешли под управление ООН	Вместе с прочими конголезцами в результате передачи территории население бывших германских территорий осталось без гражданства. Граждане Руанды–Урунди получили аналогичные с конголезцами удостоверения личности, отличавшиеся от удостоверений иммигрантов из других соседних стран
1964	Лулуабургская конституция (первая конституция независимого Конго)	Ст. 6. Конголезскими гражданами могут считаться лица, чьи предки были представителями этнических групп, проживавших на территории Конго до 1908 г.	Гражданства лишаются баньяруанда, иммигрировавшие в период голода в Руанде в 1922–1950 гг. и незаконно въехавшие после 1960 г.
1971	Декрет 71-020	Регулирует приобретение гражданства выходцами из Руанды–Урунди	Гражданами считаются выходцы из Руанды–Урунди, проживающие на территории ДРК после независимости
1972	Закон о гражданстве 72-002	Отмена положений предыдущего декрета. Конголезское гражданство даруется всем, кто проживал на территории ДРК до января 1950 г.	Право на гражданство получили баньямуленге, проживавшие в Конго до 1950 г.
1981	Закон о гражданстве 81-002	Отмена положений предыдущего закона. На гражданство может претендовать любой, чей предок был или является членом племени, признанным в качестве такого в Заире в границах 1885 г. с учетом поправок последующих договоров и конвенций	Отдельного положения, касающегося эмигрантов из соседних стран, в законе нет. Все баньяруанда автоматически теряют гражданство
1995	Резолюция о гражданстве Высокого совета переходного парламента от 28 апреля	Все баньяруанда признаны иностранцами, которые приобрели заирское гражданство «путем мошенничества». К тексту прилагается список лиц, которые подлежат аресту и выдворению с территории государства, отмена продажи или передачи активов иностранцам, снятие с должностей всех управленцев тутси	Баньямуленге уравнили в статусе с остальными баньяруанда. 31 октября 1996 г. инициирована кампания по выдворению из страны населения руандийского, бурундийского и угандийского происхождения. Поток беженцев хлынул через границу, при этом у многих из них при пересечении границы были конфискованы конголезские удостоверения личности. Начало Первой конголезской войны (1996–1997)
2004	Закон о гражданстве 04-024	Ст.6. Гражданство получают выходцы из этнических групп, чьи представители и земли после независимости вошли в состав Конго Ст.21. Потомки руандийских иммигрантов могут по собственному выбору подать просьбу о гражданстве по достижении совершеннолетия	Конголезское гражданство увязывается и с происхождением, и с территорией. Легитимизация на практике принципа, действующего с 1970-х гг. для выходцев из Руанды и Бурунди

Источник: составлено на основе Report on Citizenship Law: Democratic Republic of Congo // EUI Global Citizenship Observatory URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/74188/RSC_GLOBALCIT_CR_2022_1.pdf (дата обращения: 14.01.2024), Democratic Republic of Congo (DRC): Treatment of the Banyarwanda in the DRC by the Congolese authorities and population // RefWorld URL: <https://www.refworld.org/docid/41501c5015.html> (дата обращения: 14.01.2024)

Как видно из *Таблицы 1*, гражданско-правовой статус баньяруанда и баньямуленге определялся как производная то от этнических, то от территориальных переменных и варьировался на протяжении всей истории Конго, начиная с бельгийской колонизации до сегодняшних дней, в сторону их большей или меньшей маргинализации¹. Если принять в качестве исходного тезиса то, что гражданско-правовой статус человека в современном мире во многом тождественен понятию

1 “République Démocratique du Congo (RDC): Situation des Banyamulenge (Tutsi ou Banyarwanda) Democratic Republic of Congo (DRC) :The Situation of Banyamulenge (Tutsi or Banyarwanda),” Asylos, accessed January 3, 2024, <https://asylos.libguides.com/c.php?g=713694&p=5162432>.

национальной идентичности¹, становится ясно, что баньяруанда в ДРК сложно ощущать себя полноценными конголезцами². Даже после принятия более лояльного по отношению к этой группе закона о гражданстве в 2004 г., положения которого были во многом отражены в конституции 2006 г., де-факто пространство для реализации гражданских и политических прав баньяруанда неуклонно сокращалось. Так, на выборах 2006 г. всего один конголезский тутси был избран в региональный парламент от Мазизи, а региональные выборы 2011 г. вообще отменили под предлогом нестабильности в регионе, что спровоцировало восстание под предводительством генерала Л. Нкунды. В 2006 г. представитель баньяруанда А. Маньва баллотировался в президенты и позже даже сделал карьеру в правительстве, однако это скорее исключение из общей политики.

Попытки на национальном уровне правовыми методами вытеснить баньяруанда из электорального пространства дублируются на региональном уровне в виде риторики ненависти, которая эксплуатирует и подогревает давно сложившиеся негативные стереотипы. После геноцида в Руанде и спустя две конголезские войны (1996–1997 и 1998–2003) – это одно из наиболее враждебно воспринимаемых меньшинств, причем ни правовые (гражданство), ни региональные (восток региона), ни этнические (тутси) признаки не могут служить однозначным маркером идентичности, которая приобретает все более произвольно конструируемый характер. В период отсутствия правового регулирования идентификации в Конго в качестве своего рода паспорта стал восприниматься язык как неотъемлемая часть идентичности любого человека. Отсюда – укоренение в вокабуляре понятия «руандафоны», или «киньяруандафоны», т.е. говорящие на киньяруанда. Первая конголезская война внесла раскол в ряды руандафонов: одни из них поддержали руандийскую армию во время ее вторжения на конголезскую территорию, другие выступили на стороне ДРК, поскольку наряду с другими общинами в Киву пострадали от действий руандийцев³. Однако демонстрация лояльности мало отразилась на глубинных убеждениях конголезской общественности. В «картографическом докладе» (*the mapping report*) УВКПЧ ООН зафиксировано 617 инцидентов с применением насилия в Конго только в период с 1998 по 2003 г., из которых 25 были направлены против баньямуленге и тутси⁴.

Новая волна риторики, направленной против баньямуленге, началась в 2021 г. и совпала с обсуждением закона о «конголитэ». Ее ключевые нарративы были сосредоточены вокруг идеи иностранной оккупации ДРК, главным зачинщиком которой стала Руанда. Согласно распространявшимся утверждениям, руандийцы якобы пытаются контролировать конголезскую землю и недра, подчинить себе местных, раздробить страну на несколько частей и создать в регионе

1 Зарецкий 2008.

2 "Conflicts in the Democratic Republic of Congo: Causes, Impact and Implications for the Great Lakes Region," United Nations Economic Commission for Africa, September 2015, accessed January 3, 2024, <https://repository.uneca.org/bitstream/handle/10855/22687/b11546694.pdf>.

3 "DRC: Banyamulenge Seeking Political Solution to Tensions," ReliefWeb, August 6, 2007, accessed January 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/congo/drc-banyamulenge-seeking-political-solution-tensions>.

4 "Report of the Mapping Exercise Documenting the Most Serious Violations of Human Rights and International Humanitarian Law Committed Within the Territory of the Democratic Republic of the Congo Between March 1993 and June 2003," OHCHR, August 2010, accessed January 3, 2024, https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Countries/CD/DRC_MAPPING_REPORT_FINAL_EN.pdf.

свою империю¹ – лозунги, которые абсурдно звучат для всех, кто хорошо знаком с историей ДРК: замерить «уровень автохтонности» на территории, на протяжении многих веков заселявшейся разными пришлыми народами, не представляется возможным². Характерно, что такие нарративы распространяют не только лидеры радикальных вооруженных группировок Май Май, Билози Бишамбуке, доминирующих на восточном высокогорье, но и конкурирующие с баньямуленге за землю и влияние в регионе этнические общины бембе, бафулери, баньинду и бавира. Так, из бурундийских СМИ известно о случаях подстрекательства местной молодежи со стороны вождей бафулери к тому, чтобы обратиться с петицией в избирательный комитет с требованием отказать выходцам из соседних стран в регистрации на выборах³.

В качестве каналов ретрансляции антагонистической идеологии и заодно рекрутинга новых последователей используются распространенные социальные сети, в которых пока нет возможности контролировать контент на «периферийных языках». В них распространяются видео и фото со сценами насилия против баньямуленге, звучат угрозы расправы. Экстремистские и радикальные группировки вступают в стычки с представителями тутси, избивают их прямо на улице⁴. Практикуется публичное изобличение тех, кого идентифицировали как «пришлых» руандийцев, с последующей облавой и линчеванием⁵, позволяющими говорить о «медленном геноциде»⁶. В крупных городах с конголезским большинством, таких как Гома, Букаву, Ньягензи, Увира, молодежные ополчения «Вазалендо» («патриоты») не пускали баньяруанда в пункты регистрации для голосования.

Сложности дифференциации между конголезскими автохтонами (*originaires*) и аллохтонами сочетаются с размыванием физической границы между Руандой и Конго. Т. Денисова и С. Костелянец увязывают активизацию руандафонной вооруженной группировки М23, или «Движения 23 марта», со стремлением Чисекеди укрепить государственный контроль за добычей полезных ископаемых на востоке ДРК⁷. В официальных докладах ООН М23, посягающей на конголезские приграничные провинции и природные ресурсы, приписывают тесные связи с руководством Руанды. Ничуть не уменьшая значимость этого фактора, важно отметить, что возобновление деятельности боевиков, позиционирующих себя как защитников конголезских тутси, приходится на период первого обсуждения упомянутого ранее законопроекта. В попытке предать международной огласке дискриминацию баньямуленге в 2022 г. началась кампания в социальных сетях «мы за руандафонов в ДРК» под хэштегом #SayNoToTutsiPhobia.

1 Ndahinda et al. 2024.

2 Jackson 2006.

3 "Sud-Kivu : les Congolais d'origine burundaise, les Tutsis et les Banyamulenge se font enrôler très difficilement pour les élections (South Kivu :the Congolese of Burundian Origin, the Tutsi and the Banyamulenge Find it Very Difficult to Register for the Elections)," SOS Medias Burundi, February 20, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.sosmediasburundi.org/2023/02/20/sud-kivu-les-congolais-dorigine-burundaise-les-tutsis-et-les-banyamulenge-se-font-enroler-tres-difficilement-pour-les-elections/>.

4 Crispin Kyala, "Congolese Tutsis Describe Violent Campaign to Stop Them Voting," Reuters, March 7, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.reuters.com/world/africa/congolese-tutsis-describe-violent-campaign-stop-them-voting-2023-03-06/>.

5 Ndahinda et al. 2024.

6 Ntanyoma 2022.

7 Денисова et al. 2023.

Нападки на «чужаков» в преддверии выборов, эксплуатация образа внутреннего врага, который в данном случае совпадает с внешним, представляют собой распространенный объект политических манипуляций сознанием избирателя. В ситуации гиперфрагментации, которая наблюдается в ДРК, потенциальные риски таких манипуляций удваиваются. Как констатировал известный конголезский журналист К. Ямба Ямба, «проблема баньямуленге отравляет страну. Ее существование нужно признать – но она стала средством [политического] торга [...] Политические лидеры, историки, ученые, интеллектуалы должны указывать путь, а не прислушиваться к досужим сплетням»¹. В этом контексте каждый новый раунд конфронтации с М23 влечет за собой взаимные обвинения руководства ДРК и Руанды и рост напряжения в двусторонних отношениях. Очевидно, что проблема руандафонного меньшинства может стать импульсом к эскалации двустороннего конфликта вплоть до полномасштабной войны.

Регионально-языковые константы в электоральном уравнении

В формирующихся условиях ущемления в правах всех, кого причисляют к «неконголезцам», неочевидным способом подтвердить свою «конголитэ», и тем самым обеспечить физическую и финансовую безопасность, становится владение языком лингала². Де-юре языковая политика современной ДРК предполагает двухступенчатую модель – наследие диглоссии колониального периода, где на верхнем уровне располагается французский (официальный язык корреспонденции, бизнеса, управления и внешних коммуникаций), а нижний характеризуется равноправием четырех национальных языков. На суахили говорят в восточных районах: Катанга, Кисангани, Маниема, Северное и Южное Киву. Он также широко используется за пределами Конго: в Танзании, Кении, Уганде, Бурунди, Руанде, Сомали. Зона покрытия лингала – запад: столица, Экваториальная провинция и часть Ориенталь, а за пределами ДРК, хоть и в меньшей степени, распространен в ЦАР и Южном Судане. Чилуба доминирует в центральных районах, включая Восточное и Западное Касаи; чилубаговорящие, известные как «конголезские евреи»³, компактно проживают в Киншасе и Катанге, а также на северо-востоке Анголы. Ареал распространения киконго – провинции Май-Ндомбе (ранее Бандунду) и Центральное Конго (ранее Баконго). Киконго, как и лингала, также можно услышать в Анголе, Габоне и Камеруне.

Если административно-территориальным делением с обозначением четырех языковых зон Конго изначально обязано бельгийскому правлению, то во время «заиризации» при Мобуту лингала использовался как символический инструмент в процессе выстраивания вертикали власти: виртуозное владение «автохтонным» языком стало частью стратегии выживания и продвижения в политической иерархии. Кроме того, подобно суахили в Уганде, за 30 лет диктатуры лингала стал

1 "RDC: Félix Tshisekedi et la congolité des banyamulenge (Par Kasongo Mwema Yamba Yamba) (DRC: Félix Tshisekedi and the Congolité of Banyamulenge (By Kasongo Mwema Yamba Yamba)," Actualite, January 20, 2020, accessed January 3, 2024, <https://actualite.cd/2020/01/20/rdc-felix-tshisekedi-et-la-congolite-des-banyamulenge-par-kasongo-mwema-yamba-yamba>.

2 Büscher et al. 2013.

3 Kankolongo 2014.

языком насилия: местные администраторы, жандармы, молодежные полувоенные формирования говорили на лингала, в том числе в восточной части страны. Отсюда – три его основные коннотации, которые сложились в суахилиговорящих провинциях: 1) конголезцы-*originaires*; 2) система правоохранительных органов; 3) столичный дендизм и гламур как образ жизни¹. Приход к власти Л. Кабилы после свержения Мобуту ознаменовал замену лингалафонов на суахилифонов из восточной части страны; эта тенденция усилилась при его сыне Жозефе. При Ф. Чисекеди она была обращена вспять. Все это способствовало постепенному формированию политически значимого регионально-языкового деления между лингалаговорящим западом и суахилиговорящим востоком, который, как видно, сохраняется и по сей день.

Анализ географического распределения электоральных предпочтений с учетом явки (80% в 2006-м², 59% в 2011-м³, 48% в 2018-м⁴ и 43% в 2023-м⁵) дает возможность подтвердить гипотезу на предмет сохранения важности регионально-языкового фактора. Наиболее ярко разрыв между западом и востоком обозначили выборы 2006 г.⁶, которые позволили конголезцам напрямую выразить свою волю спустя более 40 лет независимого развития, что вдохновило избирателей отнестись к голосованию с гражданским энтузиазмом. В первом туре восток проголосовал за Ж. Кабилу, запад – за Ж.-П. Бембу (кроме провинции Бандунду, поддержавшей А. Гизенга). С перевыборами Ж. Кабилы на второй срок в 2011 г. оказались несогласны многие, в первую очередь отец нынешнего президента Э. Чисекеди, чилуба по происхождению, выходец из западной провинции Лулуа, попытавшийся оспорить их результаты.

В 2018 г. президентом стал Ф. Чисекеди с разницей 39,57% против 34,83% у кандидата от оппозиционной коалиции «Ламука»⁷ М. Фаюлу, третье место занял невзрачный кандидат в преемники Кабилы Э. Шадари. Хотя в ходе выборов удалось достичь фактически первой мирной передачи власти с момента обретения независимости в 1960 г., они были омрачены обвинениями в подтасовке результатов со стороны Ф. Чисекеди. Выборы были приостановлены в ряде городских общин в Северном Киву, официально – из-за эпидемии Эболы, а также в Май-Ндомбе из-за вооруженных столкновений. М. Фаюлу родом из Май-Ндомбе и пользуется существенной поддержкой в Северном Киву. В результате этого решения так и не проголосовало более 1,7 млн зарегистрированных избирателей – существенная цифра, учитывая, что итоговый перевес в пользу Чисекеди

1 Böscher et al. 2013.

2 "Landmark Voter Turnout in Congo Elections," ReliefWeb, July 31, 2006, accessed January 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/landmark-voter-turnout-congo-elections>.

3 "Presidential and Legislative Elections in the Democratic Republic of the Congo," Carter Center, November 28, 2011, accessed January 3, 2024, https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/news/peace_publications/election_reports/drc-112811-elections-final-rpt.pdf.

4 "Mission d'observation électorale de l'Union africaine pour les élections générales du 30 décembre en République Démocratique du Congo (African Union Election Observation Mission for the General Election of December 30 in the Democratic Republic of Congo)," African Union, January 2019, accessed January 3, 2024, https://au.int/sites/default/files/documents/38702-doc-rapport_de_la_mission_dobservation_electorale_de_lunion_africaine_pour_les_elections_generales_du_30_decembre_2018_en_republique_democratique_du_congo.pdf.

5 Christophe Châtelot, "DRC Elections: Félix Tshisekedi's Large and Already Disputed Victory," Le Monde, January 1, 2024, accessed January 3, 2024, https://www.lemonde.fr/en/le-monde-africa/article/2024/01/01/drc-elections-felix-tshisekedi-s-large-and-already-disputed-victory_6393131_124.html.

6 Verweijen 2016.

7 Проснись! (линг.).

исчислялся сотнями тысяч голосов. Выборы-2023 претендовали на более широкий охват конголезских граждан: в голосовании впервые приняли участие представители диаспоры, проживающие в Бельгии, Канаде, Франции, ЮАР и США, что само по себе является важным элементом современного демократического процесса¹. Кроме того, гражданам выдавались новые ID на основе биометрических данных. Однако в результате кампании в восточной части Конго документов не получили до 1 млн избирателей.

По итогам выборов Ф. Чисекеди финишировал первым среди 26 зарегистрированных кандидатов с 73,47% голосов, второе и третье место досталось соответственно М. Катумби – 18,32% и М. Фаюлу – 4,92%. Ф. Чисекеди и М. Фаюлу популярны на лингалаговорящем западе. Симпатии суахилиговорящего региона были отданы М. Катумби и гинекологу Д. Муквеге – лауреату Нобелевской премии мира, который прославился на востоке страны и за рубежом благодаря активизму против насилия в восточном Конго, однако на западе страны он практически неизвестен.

Даже если учитывать возможную подтасовку результатов голосования и другие фальсификации, которые отмечают независимые наблюдатели², отсутствие регистрации части избирателей, географический паттерн электоральной активности по-прежнему отражает разрыв между западом и востоком. В значительной степени его определяет запрос запада страны на экономическое развитие, а востока – на мир и безопасность. Этот разрыв также упирается в более широкий (и давний) спор об оптимальной модели административно-территориального устройства ДРК с учетом регионально-языкового контекста³, который в значительной степени дублируется экономико-демографическим. Экономическая жизнь страны и максимальная численность населения сосредоточены в трех центрах, относительно изолированных друг от друга с точки зрения транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры: запад (Киншаса), юго-восток (Лубумбаши), северо-восток (Кисангани). У каждого региона свои козыри: если предпринимательская и торговая деятельность сконцентрирована в основном на западе, то восток богат минеральными ресурсами, обеспечивающими большую часть национального дохода.

В этом контексте выборы ставят определенные рамки в дискуссии не только о разделе властных полномочий, но и о балансе между вкладом каждой провинции в государственный бюджет и распределением расходов на проекты по развитию. По действующей конституции ДРК провинции могут удерживать 40% национальных доходов, получаемых на их территории⁴, что безусловно выгодно богатым регионам, таким как Катанга. Конституция также учреждает специальный фонд для перераспределения до 10% бюджета на инфраструктуру в более бедных провинциях, обеспечивая определенное равновесие между богатыми,

1 Szulecki et al. 2021.

2 "Observers Take Note of Logistical Challenges in DRC Elections," The East African, December 22, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/news/east-africa/observers-take-note-of-logistical-challenges-in-drc-elections-4472388>.

3 Herbert F. Weiss, and Georges Nzongola-Ntalaja, "Decentralization and the DRC – An Overview," Conflict Prevention and Peace Forum, January 2013, accessed January 3, 2024, https://ssrc-cdn1.s3.amazonaws.com/crmuploads/new_publication_3/decentralization-and-the-drc.pdf.

4 "DRC 2005 Constitution (revised 2011)," Constitue Project, accessed January 3, 2024, https://www.constitueproject.org/constitution/Democratic_Republic_of_the_Congo_2011.

бедными регионами и центральным правительством в Киншасе. Вопрос о том, насколько эффективна эта схема в долгосрочной перспективе, представляет собой интересный предмет для будущих исследований.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает изначальное предположение о том, что идентичностная фрагментация по регионально-языковому и этническому принципу сохраняет свою актуальность в ДРК и продолжает в значительной степени определять внутривнутриполитическое развитие страны. Конго можно отнести к хрестоматийному примеру разделенного общества, которое характеризуется мобилизацией и политизацией аскриптивных идентичностей, радикалистскими и экстремистскими тенденциями¹. В таком обществе диктуемые соображениями конъюнктуры попытки навязать населению т.н. закон о «конголитэ» могут иметь мощные конфликтогенные последствия, вплоть до формирования националистических движений за выдворение баньямуленге и развязывания в РВО конфликта на межгосударственном уровне. Идея «конголитэ» в той форме, в которой ее предлагает недавний законопроект, является по своей сути дискриминационной и направлена на исключение из общества существенной его части.

Если проблема руандафонного меньшинства показывает уровень потенциальной эскалации в сегодняшнем поляризованном Конго, то регионально-языковая и экономическая фрагментация потенциально может превратиться в новый Восточно-Африканский разлом. Строительство современной государственности в ДРК, так или иначе, требует преодоления этого разделения, создания новых общенациональных институтов распределения власти и ресурсов. Продолжая академическую дискуссию между А. Лейпхартом и Д. Горовицем² о выборе в пользу консоциативной или интеграционистской модели развития, важно отметить, что будущее ДРК во многом связано с нахождением практических решений, подразумевающих размывание прежних идентичностных сегментов. Только в случае принципиального разрешения этого вопроса идея «конголитэ» будет означать новый вектор развития национально-государственной идентичности, а не откат в архайку межобщинных войн.

1 Метаморфозы разделенных обществ 2020.

2 Кудряшова 2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Денисова, Т.С., Костелянец, С.В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. № 1. С. 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47>.
- Denisova, T.S., and S.V. Kostelyanets. "The Democratic Republic of the Congo: Political Instability and the Rwandan Factor." *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1 (2023): 37–47 [In Russian].
- Зарецкий, Ю. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html>.
- Zaretskii, Yu. "Istoriya, pamyat', natsional'naya identichnost'." *Neprikosnovenniy zapas*, no. 3 (2008) [In Russian].
- Кудряшова, И.В. Как обустроить разделенные общества // Political science. 2016. № 1. С. 15–33.
- Kudryashova, I.V. "How to Accomplish Stability in Divided Societies." *Political science*, no. 1 (2016): 15–33.
- Мельвил, А.Ю., Миронюк, М.Г., Стукал, Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. 2012. № 4. С. 83–105.
- Melvil, A.Yu., Mironyuk, M.G., Stukal, D.K. "Gosudarstvennaya sostoyatel'nost', demokratiya i demokratizatsiya (Na primere postkommunisticheskikh stran)." *Politicheskaya nauka*, no. 4 (2012): 83–105 [In Russian].
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. Москва: МГИМО-Университет, 2020. 284 с.
- Kudryashova, I.V., Kharitonova O.G., eds. *Metamorfozy razdelennykh obshchestv*. Moskva: MGIMO-Universitet, 2020 [In Russian].
- Миняжетдинов, И.Х. «Балканизация» Ирака: факторы воспроизводства и распространения политического насилия // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт Востоковедения РАН, 2015. С. 249–276.
- Minyazhetdinov, I. KH. "Balkanizatsiya' Iraka: faktory vosproizvodstva i rasprostraneniya politicheskogo nasiliya." In *Knflikty i voyny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika)*, 249–276. M.: Institut Vostokovedeniya RAN, 2015 [In Russian].
- Ндайисаба, О. Угроза «балканизации» Демократической Республики Конго и позиция государств региона Великих озер Африки // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 127–135.
- Ndayisaba, A. The Threat of Balkanization of the Democratic Republic of Congo and the Stand of the States in the Great Lakes Region." *South-Russian Journal of Social Sciences*, no. 3 (2019): 127–135 [In Russian].
- Сидорова, Г.М. Интеграция Демократической Республики Конго в систему международных отношений // Экономические отношения. 2017. № 4. С. 375–386. <https://doi.org/10.18334/eo.7.4.38603>.
- Sidorova, G.M. "Integratsiya Demokraticheskoy Respubliki Kongo v sistemu mezhdunarodnykh otnosheniy." *Ekonomicheskoe otnosheniya*, no. 4 (2017): 375–386 [In Russian].
- Сидорова, Г.М. Кто виноват в нестабильности Демократической Республики Конго? // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6. С. 29–36. <https://doi.org/0.24833/2071-8160-2014-6-39-29-36>.
- Sidorova, G.M. "Who is Responsible for Instability in the Democratic Republic of Congo?" *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (2014): 29–36 [In Russian].
- Шишков, В.В. Некоторые тенденции и перспективы политического развития ведущих государств субсахарной Африки и Латинской Америки // Сравнительная политика. 2015. № 2. С. 73–85.
- Shishkov, Vasily V. "Some Trends and Prospects of Political Development of Leading States Sub-Saharan Africa and Latin America." *Comparative Politics* 19, no. 2 (2015): 73–85 [In Russian].
- Büscher, Karen, Sigurd D'hondt, and Michael Meeuwis. "Recruiting a Nonlocal Language for Performing Local Identity: Indexical Appropriations of Lingala in the Congolese Border Town Goma." *Language in Society* 42, no. 5 (2013): 527–556. <https://doi.org/10.1017/S0047404513000651>.
- Carment, David, Yiyagadeesen Samy, and Joe Landry. "Transitioning Fragile States: A Sequencing Approach." *The Fletcher Forum of World Affairs* 37, no. 2 (2013): 125–51. <http://www.jstor.org/stable/45289592>.
- Castillo, Joshua. "The Power of Language and the Language of Power: Sociolinguistic Methods and Social Histories of Language and Political Power in Mobutu's Congo-Zaire (1965–1997)." *History in Africa*, no. 50 (2023): 7–39. <https://doi.org/10.1017/hia.2022.13>.
- Grimm, Sonya, Lemay-Hébert, Nicolas, and Oliver Nay. "Fragile States: Introducing a Political Concept." *Third World Quarterly* 35, no. 2 (2014): 197–209.
- Huening, Lars-Christopher. "Making Use of the Past: the Rwandophone Question and the 'Balkanisation of the Congo.'" *Review of African Political Economy* 135, no. 40 (2013): 13–31. <https://doi.org/10.1080/03056244.2012.761603>.
- Jackson, Stephen. "Sons of Which Soil? The Language and Politics of Autochthony in Eastern D.R. Congo." *African Studies Review* 49, no. 2 (2006): 95–124. <https://doi.org/10.1353/arw.2006.0107>.
- Kaiser, Kai, and Stephanie Wolters. "Fragile States, Elites, and Rents in the Democratic Republic of Congo (DRC)." In *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*, edited by Douglass C. North, John Joseph Wallis, Steven B. Webb, and Barry R. Weingast, 70–111. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Kamunga, F. *Report on Citizenship Law: Democratic Republic of Congo*. EUI Global Citizenship Observatory, 2022. https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/74188/RSC_GLOBALCIT_CR_2022_1.pdf.
- Kankolongo, A.M. "La cohabitation du français et des langues nationales en République démocratique du Congo est-elle harmonieuse?" In *Le français et les langues partenaires: convivialité et compétitivité*, 141–150. Pessac: Presses universitaires de Bordeaux, 2014.
- Kankolongo, A.M. "Is the Cohabitation of French and National Languages in the Democratic Republic of Congo Harmonious?" In *French and Partner Languages: Conviviality and Competitiveness*, 141–150. Pessac: Presses universitaire de Bordeaux, 2014 [In French].
- Kaplan, S. "Identity in Fragile States: Social Cohesion and State Building." *Development*, no. 52 (2009): 466–472. <https://doi.org/10.1057/dev.2009.57>.
- Koddenbrock, Kai. "The 'Failed-State' Effect: Statebuilding and State Stories from the Congo." In *Routledge Handbook of International Statebuilding*, edited by Chandler, D., and T.D. Sisk, 118–130. London: Routledge, 2013. <https://doi.org/10.4324/9780203370377>.

Lamini, R. *Culture politique de la société congolaise: évolution des traditions et des comportements politiques: Thèse de doctorat en Sociologie*. Paris, 1986.

Lamini, R. *Political Culture of the Congolese Society: Evolution of Traditions and Political Behaviours: Doctoral Dissertation in Sociology*. Paris, 1986 [In French].

Mulatri, P. "‘Congolité’ et construction identitaire dans le discours médiatique congolais." In *Discours d'Afrique*, 83–92. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2009.

Mulatri, P. "‘Congolité’ and Identity Construction in the Congolese Media Discourse." In *Discours d'Afrique*, 83–92. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2009 [In French].

Musinde, J.K. "Langue française en milieu plurilingue congolais: structure et variation." *Environnement francophone en milieu plurilingue*, no. 4 (2012): 399–404.

Musinde, J.K. "The French Language in a Plurilingual Congolese Environment: Structure and Variations." *Environnement francophone en milieu plurilingue*, no. 4 (2012): 399–404 [In French].

Ndahinda, Felix Mukwiza, and Aggée Shyaka Mugabe. "Streaming Hate: Exploring the Harm of Anti-Banyamulenge and Anti-Tutsi Hate Speech on Congolese Social Media." *Journal of Genocide Research* 26, no. 1 (2024): 48–72. <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2078578>.

Ntanyoma, Rukumbuzi D., and Helen Hintjens. "Expressive Violence and the Slow Genocide of the Banyamulenge of South Kivu." *Ethnicities* 22, no. 3 (2022): 374–403. <https://doi.org/10.1177/14687968211009895>.

Rotberg, Robert I. "Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators." In *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*, edited by Robert I. Rotberg, 1–25. Brookings Institution Press, 2003.

Signé, Landry. "Leaving No Fragile State and No One Behind in a Prosperous World: A New Approach." In *Leave No One Behind: Time for Specifics on the Sustainable Development Goals*, edited by Homi Kharas, John W. McArthur, and Izumi Ohno, 239–280. Brookings Institution Press, 2019.

Sweet, Rachel. "Peacebuilding as State Building? Lessons from the Democratic Republic of the Congo." In *The State of Peacebuilding in Africa*, edited by T. McNamee, and M. Muyangwa, 295–320. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46636-7_17.

Szulecki, Kacper, Bertelli, Davide, Erdal, Marta Bivand, Coşciug, Anatolie, Kussy, Angelina, Mikiewicz, Gabriella, and Corina Tulbure. "To Vote or not to Vote? Migrant Electoral (dis)engagement in an Enlarged Europe." *Migration Studies* 9, no. 3 (2021): 989–1010. <https://doi.org/10.1093/migration/mnab025>.

Tareke, Sibuh Gebeyaw. "State Fragility, Failure and Collapse in the New World Order: A Critical Assessment of the Applicability of these Concepts in the Case of Ethiopia, Democratic Republic of Congo and Somalia." *Journal of Law and Conflict Resolution* 12, no. 2 (2021): 13–24. <https://doi.org/10.5897/JLCR2019.0299>.

Trefon, Theodore, Van Hoyweghen, Saskia, and Stefaan Smis. "Editorial: State Failure in the Congo: Perceptions & Realities." *Review of African Political Economy* 29, no. 93/94 (2002): 379–88. <http://www.jstor.org/stable/4006785>.

Verweijen, Judith. *Stable Instability: Political Settlements and Armed Groups in the Congo*. London: Rift Valley Institute, 2016.

Сведения об авторе

Майя Викторовна Никольская,

и.о. директора Центра африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 января 2024.

Переработана: 14 февраля 2024.

Принята к публикации: 15 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Никольская, М.В. «Конголитэ»: разделительные линии в политической жизни современной ДРК // Международная аналитика. 2024. Том 15(1). С. 118–135.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-118-135>

‘Congolité’: Dividing Lines in the Political Life of the Contemporary DRC

ANNOTATION

The article is devoted to the study of political identity in the Democratic Republic of Congo. The author pays particular attention to the modern interpretation of the concept of ‘Congolité’ – Congolese identity, which is in many ways identical to the idea of national citizenship. The concept of ‘Congolité’ itself is considered in the article as a set of legal norms, as an instrument of electoral struggle and as a symbolic construct. The concept has acquired a new meaning in the context of the 2021 draft law, and its return to domestic politics is significant for understanding the mood of Congolese society. The author also tries to identify the main lines of the identity debate and concludes that one of its constants is the problem of the political-legal status of the Rwandafon minority (Banyarwanda / Banyamulenge), and another is regional-linguistic fragmentation, which is reinforced by economic-demographic specificity. Both of these factors have a significant impact on internal voting patterns. The discourse of autochthonous ‘purity’ is seen as exacerbating this fragmentation and as generating conflict in Congo’s relations with states in the region, particularly Rwanda.

KEYWORDS

Identity, Congolité, Democratic Republic of the Congo, citizenship, Banyamulenge, language in politics, elections

Author

Mayya V. Nikolskaya,

Acting Director of the Centre for African Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

Additional information

Received: January 30, 2024. Revised: February 14, 2024. Accepted: February 15, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Nikolskaya, Mayya V. “‘Congolité’: Dividing Lines in the Political Life of the Contemporary DRC.”

Journal of International Analytics 15, no. 1 (2024): 118–135.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-118-135>